

Сяо Чжусунь, оказавшись на руках у другого человека, даже не подумал капризничать. От этого человека исходил тот же запах, что и от папеньки, только не такой явный. Значит, это маменька. Он согласно кивнул своей маленькой головкой и, уютно устроившись в объятиях Му Ляньчэна, обвил ручками его шею и вовсю заулыбался, отчего на его пухлых нежных щечках появились две крошечные ямочки.

Улыбка, до этого игравшая на губах Му Ляньчэна, застыла.

— Ха-ха, ха-ха! Ой, уморили, ну и шуточки нынче пошли! Ляньчэн, ты когда успел родить этого Сяо Чжусуня? — Му Цинцин, который до этого с неприязнью отряхивал свои рукава, услышав, как маленький дух назвал Му Ляньчэна маменькой, согнулся пополам от хохота.

— Папенька, папенька! — Сяо Чжусунь, услышав смех Му Цинцина, не смог оторвать от него глаз. Он отчаянно заерзал, потянулся к нему, обнажив два молочных зубика, и всем своим видом показывал, что этот папенька ему нравится гораздо больше, чем маменька.

Теперь уже насмешливая гримаса застыла на лице Му Цинцина:

— Мелкий ты засранец, не болтай ерунды! Я еще даже не женат, я чист и невинен!

— Папенька, папенька... — Но малыш не понимал его слов, он лишь продолжал настойчиво звать его папенькой.

— Старый бамбук, этот щенок — твой отпрыск? Как он может называть меня папенькой? — Му Цинцин, раздраженный этими криками, не зная, можно ли бить или ругать такого кроху, перевел взгляд на единственного постороннего, который до сих пор хранил молчание.

— Ты шутишь. Байшаньчжу рождается и растет сам по себе, это растение с невероятно чистой духовной энергией. Я долго ждал, когда он зацветет, но не ожидал, что его ждет такая удача — он принял человеческий облик. Можно сказать, нам всем повезло, — Чжу Мо в этот раз отвечал Му Цинцину гораздо вежливее, хотя в его глазах читалось любопытство.

Если вдуматься, то хотя они оба были духами, животным принять человеческий облик было куда проще, чем растениям. А этот черный лисенок был явно наделен особой милостью небес: он сумел вобрать в себя Свет Заслуг Байшаньчжу, и исходящая от него сила была настолько чистой, что даже сам Чжу Мо получил от этого выгоду, значительно увеличив свою культивацию. Это было сродни силе цветка Байшаньчжу — поистине неожиданный подарок судьбы.

— Папенька, на ручки! — Сяо Чжусунь, на голове которого подрагивал алый плод, снова потянулся к Му Цинцину, а в его огромных черных глазах заблестели слезы.

— Забирай его себе, — Му Ляньчэн, едва удерживая непоседливого малыша, попытался

передать его Му Цинцину.

— Не хочу, — Му Цинцин попятился.

— Да заведи же ты его! Это дух из твоего рода, что за вид, если он будет таскаться за нами? — видя, что Чжу Мо все еще ведет себя слишком учтиво, поторопил его Му Цинцин.

— Маменька, уа-а-а... — Сяо Чжусунь понял, что папенька его отвергает, и, обиженно обхватив шею Му Ляньчэна, залился горькими слезами. Ярко-красный плод на его голове заметно потускнел.

— Цинцин! — Му Ляньчэн в растерянности посмотрел на него со строгим укором. Это был первый ребенок, с которым он имел дело, помимо самого Му Цинцина, но если тот был хитрым и озорным, то этот малыш плакал так жалобно, словно совершил какое-то непростительное преступление.

— Ау-у... — Му Цинцин, узнав этот знакомый прием, в мгновение ока обернулся лисом. К сожалению, он не рассчитал собственных размеров: сила Байшаньчжу подпитала его внутренний огонь, чего сам Му Цинцин не заметил, так как жизненная энергия уже успела рассеяться и вернуться в лоно природы.

Му Ляньчэн воочию наблюдал, как холодный юноша превратился в крупного, статного черного лиса. Прядь красной шерсти на лбу превратилась в отчетливый огненный всполох. Лис высоко задрал хвост, и его узкие, слегка прищуренные глаза, полные дерзости и своенравия, наполнились истинным величием зверя-короля.

Лис прыгнул на Му Ляньчэна, но тот рефлекторно отпрянул в сторону, прижимая к себе пухлого малыша.

Му Цинцин, который планировал приземлиться на другое плечо Му Ляньчэна, замер в недоумении. Он с неверием смотрел на него, и в его глазах читалась обида: неужели, стоило появиться другому малышу, как его тут же разлюбили?

Му Ляньчэн, глядя на статное тело лиса и его обиженный взгляд, беспомощно вздохнул. Он опустил на корточки и погладил зверя по голове своей изящной рукой:

— Ты теперь взрослый, если я буду носить тебя на руках, люди станут смеяться.

Му Цинцин, который до этого терся о ногу Му Ляньчэна, пытаясь уговорить его избавиться от толстячка, замер. Он опустил голову, переступил лапами, вильнул хвостом:

— Я правда взрослый?

Черный лис вновь принял человеческий облик, развеяв прежнюю иллюзию. Теперь перед ним стоял двадцатилетний юноша в черном халате с распущенными по плечам гладкими волосами. Его облик сильно изменился: черты лица стали резче, а в глазах, вместо прежней юношеской угловатости, светилась открытость и радость.

Му Ляньчэн на мгновение потерял дар речи, глядя на столь знакомое, но в то же время новое лицо. И лишь этот неизменный дерзкий блеск в глазах вернул его в реальность.

— Папенька... — На этот раз Му Ляньчэн без колебаний вложил пухлого малыша в руки Му Цинцина.

— Чэн-чэн, — Му Цинцин напряженно вытянул руки, позволяя ребенку прижаться к себе.

— Я был неправ, забирай его.

Му Ляньчэн промолчал. Он поднял ладонь, в которой появилась красная шелковая лента, и ловкими пальцами собрал волосы Му Цинцина в аккуратный пучок.

Му Цинцин внезапно умолк, чувствуя себя крайне неловко. От этого болезненного на вид мужчины исходил прохладный аромат. Он опустил взгляд на его бледные, холодные губы и не нашелся что ответить.

— Впредь следи, чтобы волосы были убраны, да и води себя благоразумнее, — кончиками пальцев он поправил выбившуюся прядь у виска.

— Угу! — Му Цинцин сейчас был тише воды, ниже травы.

— Ты... — Му Ляньчэн, глядя на то, как даже после перемен во внешности этот юноша остался все тем же беззаботным созданием, вдруг улыбнулся с нескрываемым снисхождением.

— Папенька, маменька... — Тишину нарушил радостный голос толстячка.

— Чэн... — Му Цинцин никак не мог понять, как за столь короткое время он стал отцом, а Му Ляньчэн — матерью. Это же нарушало все законы родства!

— То, что он зовет тебя отцом, не так уж далеко от истины. Сегодня твой Огонь Бескрайности помог ему принять человеческий облик. Поскольку ваша энергия происходит из одного источника, он считает тебя своим отцом, — объяснил Му Ляньчэн.

— А почему тогда ты маменька? Ты же мне не жена! — ляпнул Му Цинцин, и Му Ляньчэн на мгновение замер.

— В детстве ты сам хотел, чтобы я стал твоей женой, а теперь строишь из себя недотрогу.

Му Цинцин прикрыл рот рукой и тихо кашлянул, густо покраснев:

— Детский лепет, прошу прощения.

<http://bllate.org/book/21591/2225483>